

ГЛАВА III.

ТЕОРІЯ БЫТІЯ.

ГЛАВА III.

Теорія бытія.

1. Выяснивши психологическую основу проблемы самосознанія, мы при построении систематической философіи должны теперь разсмотрѣть ту же проблему въ ея значеніи метафизическомъ, поскольку это понятіе самосознанія становится краеугольнымъ камнемъ при разрѣшеніи первой задачи метафизики — задачи о бытіи.

Философія отыскиваетъ истинное и подлинное бытіе. Повидимому, таково наилучшее опредѣленіе содержанія науки философіи. Эта проблема — поиски истиннаго бытія — принадлежитъ ей съ древнѣйшихъ временъ. Она проглядываетъ въ попыткахъ гиллозистовъ открыть первоматерію; она явна въ ученіяхъ матеріалистовъ, указывающихъ суть вещей въ вѣчныхъ ихъ элементахъ — атомахъ; та же проблема томитъ универсалистовъ

(начиная съ Платона), отрывающихъ за пестрымъ, но живымъ міромъ чувственно-воспринимаемыхъ индивидуальных вещей — одухотворяющую ихъ неизмѣнную идею.

2. Но въ то время, какъ философы стремились поскорѣе разрѣшить метафизическую задачу о сущности міра, какъ бытія, они нерѣдко упускали изъ виду проблему гносеологическую, вопросъ о происхожденіи, свойствахъ, цѣнности и предѣлахъ самого нашего знанія о бытіи.

Наступила пора критической философіи, обратившей свое преимущественное вниманіе на вопросы знанія. Много задачъ было затронуто и даже рѣшено въ томъ или другомъ направленіи. Но вопросъ о понятіи бытія остался почти неизслѣдованнымъ. Вѣдь ясно, что прежде, чѣмъ указывать на истинное бытіе, необходимо же опредѣлить свойства и критеріи, какъ истины, такъ и бытія. Для того, чтобы признать что-либо сущимъ, надобно ясно сознать, что мы понимаемъ подъ сущимъ, что такое бытіе, какое это понятіе, каковы его признаки и содержаніе, какъ оно возникаетъ. Вопросъ о бытіи есть центральный вопросъ всей метафизики; вопросъ о понятіи бытія есть основная проблема всей критической гносеологіи.

3. Вотъ почему незабвенный учитель Густавъ Тейхмюллеръ стоитъ въ нашихъ глазахъ такъ высоко, вотъ почему онъ кажется намъ самымъ строгимъ въ наши дни представителемъ критицизма въ самомъ чистомъ его выраженіи: Г. Тейхмюллеръ — одинъ изъ тѣхъ немногихъ современныхъ мыслителей, которые сознали всю верховную важность проблемы бытія; со всею присущей ему энергіею онъ обратился къ ея разрѣшенію и въ значительной, какъ намъ сдается, степени рѣшилъ задачу о происхожденіи, генезисѣ и свойствахъ понятія бытія.

Представляя далѣе свои собственные изслѣдованія по тому же предмету, мы сочли небезъизлишнимъ изложить рѣшеніе этого вопроса о бытіи, данное нашимъ покойнымъ учителемъ.

Мы изложили доктрину Тейхмюллера довольно подробно, имѣя въ виду слѣдующее:

а) Вопросъ о природѣ понятія бытія имѣетъ громадную принципиальную важность для науки метафизики.

б) Не только у насъ, въ Россіи, но и за границей эта теорія Тейхмюллера не пользуется достаточной извѣстностью, по крайней мѣрѣ, въ той высокой степени, какой она заслуживаетъ.

в) Краткое резюмированное изложеніе не было бы воиолнѣ убѣдительнымъ для читателя, а мѣстами не было бы даже удобопонятнымъ.

г) При изложеніи моихъ собственныхъ мнѣній мнѣ часто придется ссылаться на нѣкоторыя мысли и примѣры Тейхмюллера, которые не нашли бы себѣ мѣста въ краткомъ изложеніи. Чтобы не заставлятъ читателя постоянно обращаться къ нѣмецкому подлиннику, всѣ мысли и аргументы Тейхмюллера, какія мнѣ для моихъ цѣлей могутъ пригодиться, введены въ изложеніе и получаютъ такимъ образомъ органическую связь съ моими послѣдующими соображеніями.

д) Въ философскихъ изслѣдованіяхъ важень не только послѣдній и общій результатъ, но и самый методъ изслѣдованія, который можетъ быть (какъ, напр., и у математиковъ) изящнымъ или неизящнымъ, естественнымъ или подогнатымъ и т. д. Теорія бытія, занимая большую часть «Метафизики» Тейхмюллера, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшую его заслугу въ дѣлѣ систематической философіи. Наряду съ тѣмъ методъ, примѣненный имъ въ данномъ случаѣ, столь изященъ, оригиналенъ, простъ и естественъ, что изобразить его болѣе или менѣе подробно значить дать наилучшую характеристику Тейхмюллера, какъ мыслителя, показать его манеру работать въ наилучшемъ свѣтѣ.

Обращаемся къ детальному изложенію взглядовъ Тейхмюллера на бытіе. Указаніе страницъ относится къ сочиненію, въ которомъ Тейхмюллеръ впервые изложилъ свою дедукцію понятія бытія, а именно къ его: *Die wirkliche und die scheinbare Welt. Neue Grundlegung der Metaphysik.* Breslau, 1882.

Ученіе Тейхмюллера о бытіи.

I. Первая метода изслѣдованія

(лексикографическая).

4. Когда мы начинаемъ философствовать, т. е. анализировать понятія и объяснять ихъ происхожденіе и развитіе¹⁾, то мы уже обладаемъ сознаниемъ различныхъ идей въ стадіи прикрѣпленія ихъ къ языку, равно и въ стадіи, предшествующей — доязыковой (*vorsprachlich*). Вѣдь нельзя философствовать²⁾, пока не достигнешь извѣстнаго, болѣе или менѣе взрослога возраста; а къ этому времени сознание уже бываетъ наполнено пережитыми событіями обыденной жизни. Но спрашивается, можно ли при опредѣленіи понятія бытія исходить

1) Стр. 44.

2) Стр. 50.

изъ обыкновеннаго (gewöhnlich) сознанія. Тейхмюллеръ правильно указываетъ, что подобнымъ предположеніемъ мы отнюдь не сдѣлаемъ ненаучнаго шага. Какъ бы (подобно Спинозѣ и Гегелю) въ началѣ метафизики ни отвлекаться отъ всѣхъ данныхъ сознанія, какою «чистой конструкціею» ни прикрываться, — мы необходимо предполагаемъ все то же обыкновенное сознаніе, какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ, къ которымъ мы обращаемся, желая, чтобы насъ поняли. Поэтому для разысканія идеи бытія Тейхмюллеръ предполагаетъ обыкновенное сознаніе ¹⁾ въ томъ видѣ, какъ оно присуще одинаково и необразованному, и научно-развитому человѣку, и какъ оно запечатлѣно въ словесности. Разумѣется, довольствоваться имѣющимися представленіями невозможно: иначе не было бы и философіи, какъ стремленія къ критически провѣренному знанію.

Требованія, какимъ
должно удовлетворить
искомое опредѣленіе.

5. При разысканіи истиннаго опредѣленія понятія бытія, мы, конечно, руководимся этимъ предварительнымъ, но смутнымъ «обыкновеннымъ сознаніемъ» означенной идеи. Опредѣленіе же, какое нами будетъ отыскано, должно въ свою очередь

1) Стр. 51.

1) удовлетворять это сознание, а также 2) должно объяснить намъ ¹⁾, какъ и почему психическія ассоціаціи и естественное мышленіе заставили развиваться языкъ въ томъ или другомъ направленіи. Опрежденіе, не удовлетворяющее этимъ двумъ требованіямъ, не можетъ считаться достаточнымъ.

Первая метода опредѣленія понятія бытія — языковая (sprachliche — лексикографическая).

6. Первая метода, по которой Тейхмюллеръ разыскиваетъ опредѣленіе бытія, — есть метода эмпирическая. Она состоитъ въ томъ, что сопоставляются группы такихъ примѣровъ, гдѣ наивная или донаучная мысль (такъ называемый «безсознательный разумъ») уже отнѣтиль въ языкѣ идею бытія. Но чтобы не вдаться въ обманъ, необходимо здѣсь же воспользоваться наслѣдіемъ историческаго роста критицизма, т. е. заранѣе исключить всю сферу вещей «внѣшняго міра», міра чувственнаго воспріятія (*mundus sensibilis et imaginativus*).

Такимъ образомъ, если держаться строгаго критицизма ²⁾, то у насъ останется въ сторонѣ вся «фата-моргана» чувственно-воспринимаемыхъ, такъ называемыхъ «субстанцій», както: людей, звѣрей, камней, и тому под. «существъ», обозначаемыхъ въ

1) Стр. 44.

2) Стр. 45.

языкъ конкретными существительными и собственными именами. Но и по исключеніи всей этой громадной области останется въ языкѣ достаточно того, чему приписывается «бытіе».

Три значенія глагола «быть». 7. Изучая употребленіе глагола «быть» лексикографически, Тейхмюллеръ устанавливаетъ въ языкѣ три различныхъ значенія этого глагола:

I) логическое бытіе въ видѣ такъ наз. «связки» (copula); оно отвѣчаетъ на вопросъ: «что это такое» (Was)?

II) бытіе, какъ существованіе или наличность¹⁾; это значеніе соответствуетъ союзу «что» (Dass); грамматически оно развивается въ временныхъ формахъ глагола;

III) бытіе, какъ субъектъ, или существо, выражается мѣстоименіемъ «я».

Все, что языкъ подводитъ подъ категорію бытія, подходитъ подъ одинъ изъ этихъ трехъ высшихъ классовъ. Различіе значеній слова «быть» не укрылось еще отъ древнихъ грековъ: такъ у Аристотеля, всегда внимательно относившагося къ обыкновенному словоупотребленію и даже искавшаго въ языкѣ основъ для философіи (ученіе о категоріяхъ) — бытіе, какъ субстанція, именуется *οὐσία, ὑποκείμε-*

1) Стр. 49.

μερον. бытіе Dass — *ὅτι ἔστιν, ἐπιόρχειν*. бытіе Was — *τί ἔστιν*.

8. Чтѣ же новаго приносить Тейхмюллеръ въ рѣшеніи проблемы о бытіи этимъ способомъ¹⁾? а) Онъ отбрасываетъ при анализѣ иллюзорныя субстанціи чувственнаго міра, б) указываетъ, что временныя формы (Temporalformen) относятся лишь къ предложеніямъ, обозначающимъ существованіе (Existenzialsätze); поэтому тамъ, гдѣ онѣ употреблены, требуется въ представленіе содержанія привносить еще и понятіе дѣйствительной наличности этого содержанія; в) Тейхмюллеръ ограничиваетъ понятіе существа однимъ лишь «я».

Таковы, по мнѣнію Тейхмюллера, его заслуги по опредѣленію понятія бытія лексикографической методою. Теперь ознакомимся съ примѣненіемъ этой методы нѣсколько поподробнѣе.

1. «БЫТЬ» въ смыслѣ
СВЯЗКИ.

9. Обо всемъ, относительно чего говорится, спрашиваютъ, чтѣ оно такое. Въ этомъ случаѣ «быть» употребляется въ отвѣтномъ предложеніи въ качествѣ связки для соединенія подлежащаго (субъекта) со сказуемымъ (предикатомъ)²⁾, почему его и можно наименовать «связочнымъ бытіемъ» (copulatives Sein). Въ ка-

1) Стр. 49.

2) Стр. 45.

чествѣ подлежащаго и сказуемаго, соединяемыхъ связкою, могутъ фигурировать всякія части рѣчи, не исключая и собственныхъ именъ («Ты еси Петръ» ...).

II) «Быть», обозначающее наличность. 10. Языкѣ дѣлаетъ различіе между тѣмъ, что такое есть какая-либо вещь, и (существуетъ ли она, или) что она существуетъ, т. е. между *τί ἔστιν* и *οὐτι ἔστιν*.

Говоря, что вещь есть (существуетъ), мы дѣлаемъ удареніе на есть, а иногда усиливаемъ его прибавленіемъ нарѣчія «дѣйствительно». Въ этомъ случаѣ бытіе (дѣйствительная наличность) приписывается вещи — само по себѣ, а не служить связкою, выражающею отношеніе между подлежащимъ и прибавляемымъ къ нему сказуемымъ. Это различеніе двухъ родовъ бытія въ языкѣ, благодаря частому употребленію, кажется намъ совершенно понятнымъ; Аристотель, часто примѣняющій его въ своей логикѣ, не счелъ нужнымъ подробнѣе останавливаться на немъ.

11. Тейхмюллеръ дѣлаетъ еще одно замѣчаніе, важность котораго онъ самъ сознаётъ¹⁾. Дѣло касается того любопытнаго, но незамѣченнаго факта, что бытіе, какъ связка, не стоитъ ни въ какомъ отношеніи ко времени; въ этомъ случаѣ глаголь «быть» употребляется всегда лишь въ настоящемъ

1) Стр. 47.

времени, тогда какъ «быть» (существовать) проходить чрезо в сѣ временныя формы.

Связка даетъ только безвременное (т. е. чисто логическое) соединеніе двухъ или нѣсколькихъ представленій. Временное же опредѣленіе глагола (для обозначенія обстоятельствъ или дѣяній прошедшихъ, настоящихъ, будущихъ) неминуемо придаетъ къ соединенію представленій еще одну мысль о томъ, что (Dass) это либо было, либо существуетъ, либо будетъ имѣть мѣсто, словомъ, — мысль о дѣйствительномъ существованіи. Это присоединеніе утвержденія о наличности къ совокупности ассоціированныхъ представленій достигается употребленіемъ временныхъ формъ всякаго глагола, въ томъ числѣ и самого глагола «быть», который обыкновенно привыкають считать лишь простою связкой, почему нѣкоторые (какъ Юмъ) наконецъ рѣшаются отказать ему въ какомъ бы то ни было самостоятельномъ значеніи ¹⁾.

Такимъ образомъ, опредѣленіе времени вовсе не относится къ логическому смыслу глагола или къ представленію, имъ выражаемому, а только къ тому обозначающему дѣйствительное существованіе предложенію (Existenzialsatz), которое нами въ та-

1) Ср. прекрасный разборъ и опроверженіе Юмовой теоріи о «бытіи» у А. А. Козлова въ «Свѣтлѣ Словѣ», т. II, бесѣды V и VI; ср. выше, стр. 83—86, §§ 49—52 и далѣе.

кихъ случаяхъ безсознательно добавляется. При-
мѣръ: «Давидъ побилъ филистимлянъ»; здѣсь
дѣло не только въ томъ, чтобы соединить пред-
ставленія Давида и побіенія филистимлянъ (das
Philisterschlagen), но и въ томъ, чтобы указать,
что это побіеніе дѣйствительно произошло.
Любопытно, что Тейхмюллеръ, самъ не знавшій
русскаго языка¹⁾, правильно указываетъ съ чужихъ
словъ, что отмѣченное имъ различіе имѣетъ рѣ-
шающее значеніе для правильнаго употребленія
въ сказуемомъ именительнаго и творительнаго па-
дежей. Очевидно, имѣются въ виду примѣры, вроде
«слава (есть) дымъ» и «я служилъ доцентомъ».

III. Бытіе, какъ су-
щество (Wesen.)

12. Третье значеніе бытія по-
нять чрезвычайно трудно — именно
потому, что оно черезчуръ просто, и на него не
обращаютъ вниманія²⁾. При опредѣленіи этого
значенія Тейхмюллеръ исходитъ изъ одного «ум-
наго» замѣчанія Аристотеля. Какъ извѣстно, Ари-
стотель подмѣтилъ, что собственныя имена, или и
родовыя имена (когда они обозначаютъ единичный
предметъ, т. е. имѣютъ сингулярное значеніе) встрѣ-
чаются лишь въ роли подлежащихъ и никогда не
ставятся предикатами (Сократъ, вотъ эта лошадь).

1) Стр. 47, прим.

2) Стр. 46.

Поэтому онъ и видѣлъ свойство подлинной субстанціи въ томъ, что де она бываетъ только субъектомъ. Но ставши на критико-гносеологическую точку зрѣнія и отказавшись отъ призрачныхъ, феноменальныхъ субстанцій, мы не можемъ слѣдовать ходу мыслей Аристотеля, какъ его замѣчаніе ни остроумно и тонко (*fein*). Вѣдь логика должна для философіи устранять вліянія со стороны языка, который работаетъ не столько сообразно съ законами логическаго мышленія, сколько по алогическимъ законамъ механическихъ ассоціацій и репродукцій.

13. Попробуемъ же и мы стать на подобную, чисто языковую точку зрѣнія, только исключивши названія чувственныхъ вещей ¹⁾. Какое слово употребляется (кроме послѣднихъ) въ языкѣ всегда только въ качествѣ подлежащаго?

Такимъ словомъ окажется только мѣстоименіе «я». Нечего смущаться тѣмъ, что такую же важность языкъ придаетъ и другимъ личнымъ мѣстоименіямъ: ты, онъ и т. д. Вѣдь послѣднія созданы въ процессѣ міропознанія, какъ проекціи, по аналогіи съ «я». Для насъ важно то обстоятельство, что «я» взаправду является среди другихъ словъ исключеніемъ, т. е. оно никогда не употребляется въ ка-

1) Стр. 48.

чествѣ предиката, тогда какъ о немъ можетъ быть высказываемо всякое иное «бытіе», т. е. и «быть», какъ связка, и «быть», какъ «дѣйствительно существовать». Итакъ, «я» (по Тейхмюллеру) есть основаніе (*ὑποκείμενον*) бытія, т. е. рассматривается, какъ сущность или существо ¹⁾. А такъ какъ бытіе (*das Sein*) безъ предиката и не содержитъ въ себѣ ничего иного, кромѣ бытія, то, значить, въ языкѣ субъектъ признаётся сущимъ и притомъ такъ, что, кромѣ «я», ничто другое такого мѣста не можетъ занимать.

14. Таковъ блестящій анализъ, который производитъ Тейхмюллеръ надъ языкомъ съ цѣлью разыскать и установить различные способы употребленія и примѣненія глагола «быть». Нельзя не пожалѣть, однако, что, упрекая Аристотеля въ излишней приверженности къ грамматикѣ и языку и въ податливости ихъ вліянію, самъ Тейхмюллеръ ведетъ все выше изложенное вкратцѣ изслѣдованіе исключительно на почвѣ одного лишь нѣмецкаго языка, что значительно затрудняетъ его изложеніе по русски. Этимъ же объясняется встрѣчающаяся у него порой неточность въ выраженіяхъ. Напр., благодаря тому, что по нѣмецки глаголь «быть» *sein* служить и вспомогательнымъ глаго-

1) Нѣмецкое *Wesen* обозначаетъ оба эти русскія слова.

ломъ для другихъ глаголовъ, мы видимъ такія обмолвки: «*Tem p r u s bei der C o r u l a oder bei den Verben*» (стр. 47), когда онъ только-что самъ объяснилъ, что *corula* — связка всегда употребляется только безвременно, т. е. въ настоящемъ времени (§ 11).

2. Вторая метода

(диалектическая).

15. При первой методѣ опредѣленія бытія Тейхмюллеръ исходилъ изъ данныхъ языка, руководясь смысломъ слова «быть», какъ онъ дается намъ въ нашемъ обыденномъ сознаніи (пока этотъ смыслъ еще не подвергся философскому опредѣленію). Понятно, что по этой первой методѣ не добудешь строгаго понятія: можно только болѣе или менѣе отчетливо сгруппировать различныя наименованія, обозначающія бытіе. Отсюда вытекаетъ необходимость другой методы, гдѣ матеріаломъ изслѣдованія служили бы уже не символы — слова, а самыя данныя непосредственнаго сознанія, символизуемая словами.

И здѣсь не покидаетъ насъ бессознательное руководство со стороны идеи бытія, какъ это имѣло мѣсто при первой методѣ. Живой діалектикѣ мышленія предстоитъ теперь опредѣлить самоё себя.

Вѣдь всяческая истина лежитъ только въ мышленіи; одною лишь діалектикою мышленія можетъ быть истина находима и устанавливаема. Досто- вѣрность же лежитъ въ методахъ мышленія ¹⁾, ибо достовѣрно то, что оказывается цѣлью необходи- маго пути и бываетъ всегда неизмѣннымъ. Поэтому, если при первой методѣ мы не могли навѣрное знать, соотвѣтствуетъ ли найденной группѣ назва- ній какое-либо понятіе или вещь, то при второй методѣ мы, добывая понятіе, заручаемся истиною и достовѣрностью познанія.

I. Бытіе идей.
но е.

16. Анализируя свое обыденное сознаніе, мы находимъ, что мы мыс- лимъ о различныхъ предметахъ, т. е. то объ од- номъ, то объ другомъ; словомъ, содержаніе нашей мыслительной (равно и другихъ) функцій мѣняется. Сравнивая съ одной стороны различные акты мысли, чувства-воли, дѣйствія, — съ другой содержаніе всѣхъ означенныхъ актовъ, мы получаемъ понятіе, которое выражаетъ собою сразу в с е с о д е р ж а - ніе отдѣльныхъ актовъ, каково бы оно ни было.

Идея, которая при этомъ возникаетъ, сама есть не какое-либо содержаніе, а с о о т н о ш е н і е вся- ческаго содержанія вообще съ постоянно мѣняю- щимися актами души; ею обозначается, что всякая

1) Стр. 50.

мысль, чувство и т. д., сами по себѣ преходящіе во времени, обладают нѣкоторымъ содержаніемъ. Въ языкѣ она выражается вопросомъ «что такое?»; мы отмѣчаемъ здѣсь то обстоятельство, что дѣятельность нужно всегда соотносить съ какимъ-нибудь содержаніемъ. То же самое означаютъ слова «содержаніе» и «объектъ». Сообразно этому требованію, мы, когда мыслимъ, то всегда мыслимъ нѣ что, а оно-то и есть содержаніе или предметъ нашего мышленія. Припоминая результаты первой методы, мы увидимъ, что бытіе и точно приписывается содержанію нашихъ дѣятельностей: таково именно было «бытіе связки»: «что такое эта вещь»? — «Лошадь» и т. д. (Ср. выше § 9).

Найденной категоріею выражается только одна сторона бытія, ибо мы исходили изъ сравненія или соотношенія, а соотношеніе предполагаетъ еще и другія соотносящіяся точки. Эту сторону бытія Тейхмюллеръ называетъ и д е й н ы м ъ б ы т і е м ъ (*ideelles Sein*) — отъ греч. *εἶδος* ¹⁾).

II. «Что» (*das Dass*) или реальное бытіе. 17. Обыденное сознаніе свидѣтельствуетъ, что мы мѣняемъ свои дѣятельности: дѣлаемъ, мыслимъ, чувствуемъ то одно, то другое; но мы припоминаяемъ, что одна и та же мысль или одно и то же чувство появляется,

1) Стр. 53.

исчезаетъ и снова возвращается. Такимъ образомъ идейное содержаніе дѣятельности отдѣляется въ сознаниі отъ самой дѣятельности. Содержаніе, возвращающееся въ сознаніе, мы считаемъ все тѣмъ же. Наоборотъ, дѣятельности, которыми мы мыслимъ и чувствуемъ означенное содержаніе, оказываются не единымъ чѣмъ-либо, а двумя, тремя . . . п (напр., тонъ la мы слышимъ въ п — тый разъ).

Такимъ образомъ намъ становится очевидною разница между множественностью мѣняющихся дѣятельностей, съ одной стороны, — и съ другой, тождественностью идейнаго бытія, которое, сколько бы разъ оно ни репродуцировалось въ сознаниі, все остается единымъ и тѣмъ же, что и раньше. А дѣятельности никогда не бываютъ однѣми и тѣми же: онѣ — всякій разъ иныя, и не соединяясь другъ съ другомъ, раздѣляются временемъ. N — тый разъ мы можемъ размышлять объ одной и той же проблемѣ: дѣятельностей — п, а проблема или идейное содержаніе мысли — одна.

Итакъ, одною точкой полагая многія мѣняющіяся дѣятельности, обладающія содержаніемъ, а другою точкой — идейное содержаніе этихъ дѣятельностей, мы производимъ соотнесеніе в сѣхъ дѣятельностей, сообразно ихъ отношенію къ идей-

ному бытію ¹⁾. Категорію, при семъ появляющуюся въ мышленіи, Тейхмюллеръ называетъ реальнымъ бытіемъ или существованіемъ (Existenz), наличностью (Dasein), дѣйствительностью ²⁾. Этими терминами обозначается не одна какая-либо отдѣльная дѣятельность, и не совокупность ихъ, — а соотношение, въ какомъ онѣ стоятъ съ идейнымъ бытіемъ. Понятіе реального бытія не образуется, по ученію Тейхмюллера, путемъ абстракціи (или опущенія несущественныхъ признаковъ) и не лежитъ въ самыхъ родахъ дѣятельностей; оно получается, благодаря соотношенію его съ другимъ родомъ бытія (auswärtige Beziehung), подобно тому, какъ человѣкъ считается сыномъ не за свои физическія или нравственныя дарованія, а только въ силу своего внѣшняго отношенія къ другому человѣку, приходящемуся ему отцомъ.

Сравнивая результаты второй методы съ результатами первой, мы видимъ, что найденное теперь реальное бытіе совмѣщается съ бытіемъ въ предложеніяхъ, обозначавшихъ наличность (Existenzsätze), гдѣ бытіе имѣется безъ предиката и во всѣхъ временныхъ формахъ (ср. выше § 10).

1) А не сообразно ихъ содержанію, что привело Тейхмюллера къ понятію бытія идейнаго (§ 16).

2) Стр. 54.

Взаимныя отношенія
идейнаго и реаль-
наго бытія: а) ихъ
различія.

18. Идеиное и реальное бытіе различаются другъ отъ друга съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) единства и множества, 2) тождества и инобытія, 3) безвременности и временныхъ различій.

Во первыхъ, идейное бытіе всегда остается однимъ, а не многимъ (разсматривая каждую часть или элементъ особо, если имѣются части — напр., Істихъ «Одиссеи»); въ противность тому, дѣятельности или реальное бытіе могутъ быть въ какомъ угодно числѣ (напр., можно сколько угодно разъ повторять одинъ и тотъ же стихъ и т. п.).

Во вторыхъ, реальныя дѣятельности всякій разъ—иныя: одинъ и тотъ же актъ не повторяется никогда; идейное же содержаніе тѣхъ дѣятельностей остается (напр., безчисленное число разъ повторяемый стихъ — все одинъ).

Въ третьихъ, признакомъ реальнаго бытія служить временность, тогда какъ идейное бытіе (содержаніе) — безвременно.

б) связь между
ними.

19. Но различивши два рода бытія, надобно умѣть и соединить ихъ. Спрашивается, можетъ ли впрямь идейное бытіе принадлежать реальному бытію, тройко отъ него различаемому. Но можетъ ли, напр., быть сознаваемо какое-нибудь понятіе безъ той реальной мыслительной дѣятельности, которому оно слу-

жить содержаніемъ, или могутъ ли существовать акты мысли и ощущенія, въ которыхъ не мыслилось бы и не ощущалось бы нѣчто? Всѣ эти предположенія — пустая реторика.

Во первыхъ, изъ собственнаго опыта никто не знаетъ за собою подобнаго безсодержательнаго ощущенія или мышленія, т. е. напр., мышленія, въ которомъ ничего не мыслилось бы.

Во вторыхъ, независимо отъ опыта, діалектика показываетъ, что одинъ актъ любой функціи души можетъ различаться отъ другого акта той же способности не иначе, какъ только своимъ соотношеніемъ съ инымъ содержаніемъ. Пока находится въ сознаніи одно содержаніе, мы называемъ это однимъ состояніемъ сознанія; только съ перемѣною содержанія получаютъ и другія дѣятельности.

Значить, изолировать и обособить одинъ родъ бытія отъ другого невозможно. Приходится признать е д и н о е бытіе, которое сознаётъ какъ свою наличность, такъ и свое содержаніе ¹⁾.

III. Бытіе, какъ субстанція или «я».

20. Анализируя факты обыкновеннаго сознанія, мы видимъ необходимость и раздѣлять, и соединять бытіе. Но мы не знаемъ еще основанія для этого обстоятельства. Благодаря какбы противорѣчію, заклю-

1) Стр. 55.

чающемуся во множествѣ дѣятельствъ и въ единствѣ идейнаго бытія, мы находимъ путь къ третьему понятію.

Объ тожествѣ первыхъ двухъ родовъ бытія не можетъ быть и рѣчи: діалектическимъ путемъ мы вообще нашли ихъ черезъ взаимное соотнесеніе другъ съ другомъ. Повидимому (напр., когда я слышу тонъ до), и актъ, и его содержаніе составляютъ одно и то же; но нельзя забывать, что этотъ звукъ я уже слышалъ и еще услышу въ другихъ актахъ множество разъ.

Идейное бытіе, различаясь отъ реальнаго бытія, и само представляетъ въ своей совокупности весьма большое разнообразіе, не сводящееся во едино. А съ другой стороны оно же вступаетъ въ различныя логическія соединенія (понятія, сужденія, умозаключенія). Обращая вниманіе на то, что отдѣльные идейные элементы (содержаніе) встрѣчаются въ сознаніи и обособленно (*getrennt*), и въ связи другъ съ другомъ, мы приходимъ къ признанію еди на го п р е д с т а в л я ю щ а го бытія, которое, не будучи ограничено своимъ содержаніемъ, представляетъ себѣ идейные элементы и порознь, и вмѣстѣ, соотнося ихъ взаимно; это — единство, въ которомъ н ѣ т ѣ ¹⁾ разъединенности содержанія и раздѣльности дѣятельствъ; ибо, если бы и это

1) Стр. 57.

бытіе было раздѣльнымъ, то и е ч е з л о бы всякое сознаніе и всякій разумъ. Только предполагая это третье бытіе, можно считать возможнымъ мышленіе, которое состоитъ въ томъ, чтобы соотносить другъ съ другомъ обособленное, какъ не обособленное, и охватывать эти раздѣльные пункты общимъ единствомъ.

При сравненіи нынѣшнихъ результатовъ съ результатами первой методы, Тейхмюллеръ приходитъ къ заключенію, что для обозначенія этого третьяго рода бытія онъ можетъ воспользоваться тѣмъ же терминомъ «я» (ср. выше § 13). Съ возникновеніемъ по аналогіи съ нашимъ «я» еще и другихъ «я» (ты, онъ...), эта категорія получаетъ болѣе общее выраженіе въ понятіи с у б с т а н ц і и.

Въ языкѣ «я» никогда не можетъ быть предикатомъ предложенія ¹⁾; о немъ высказывается всяческое идейное бытіе и всякаго рода существованіе; «я» не относится къ какому-либо одному предикату, но къ какому угодно; «я» совершенно безразлично къ противоположнымъ опредѣленіямъ, всѣ ихъ охватываетъ собою, соединяетъ ихъ различіями во времени и т. д. (мнѣ было жарко, будетъ холодно: «я» — остается все одно).

1) Стр. 58.

Отношеніе субстан-
ціального бытія къ
прочимъ родамъ
бытія

21. Какъ относится «я» къ прочимъ родамъ бытія?

I) Не есть ли «я» — наличное бытіе или дѣйствительность (existirendes Sein)? «Я», по крайней мѣрѣ, настолько же реально, какъ всякая его дѣятельность, которая реально существуетъ. Вѣдь «я» составляетъ нѣчто единое со всякою дѣйствительной дѣятельностью, — съ тѣмъ правда, различіемъ, что «я» точно такъ же можетъ совпадать и съ любою иной дѣятельностью. Субстанція безразлично относится къ разъединенности и обособленности дѣятельностей и къ ихъ различіямъ во времени: она проникаетъ собою всѣ ихъ, связываетъ ихъ другъ съ другомъ и всегда во всѣхъ присутствует¹⁾.

II. Точно такъ же преодолеваетъ единое «я» разноеобразіе и раздѣльность въ идейномъ бытіи. Всѣ идейные элементы, теряя свою обособленность (Fremdheit), хотя и полагаются порознь, но связываются единымъ мышленіемъ во взаимное соотношеніе.

III. Наконецъ, и различіе акта отъ его содержанія (Dass und Was) сглаживается этимъ третьимъ родомъ бытія. Только признавая «я» или субстанцію, можно понимать ходъ событій въ сознаніи.

1) Стр. 57.

Малѣйшее отдѣленіе актовъ отъ знанія объ нихъ и объ ихъ содержаніи произвело бы непониманіе, а это знаніе возможно лишь тогда, когда «я» съ начала до конца находится во всѣхъ своихъ дѣятельностяхъ. Разъ мы вообще знаемъ, что мы дѣйствуемъ, и что такое — идейное содержаніе нашихъ дѣятельностей, то этимъ уже упраздняется раздѣленіе акта отъ его содержанія. Различать ихъ мы можемъ только потому, что знаемъ какъ одно, такъ и другое. А какъ бы мы знали ихъ, если бы не были въ томъ, и въ другомъ, т. е. если бы «я» не составляло съ ними одного цѣлаго?

22. Обращая затѣмъ вниманіе не на самое бытіе, а на знаніе о бытіи, Тейхмюллеръ замѣчаетъ, что знаніе о дѣятельностяхъ и о ихъ содержаніи именуется *с о з н а н і е мъ*. Сознательнымъ мы называемъ того, кто можетъ дать отчетъ о предметахъ чувственнаго созерцанія и о своихъ внутреннихъ состояніяхъ: этого не можетъ сдѣлать бессознательный, напр., человѣкъ, лежащій въ обморокъ. — Отъ сознанія надобно отличать *самосознаніе*, т. е. знаніе о своемъ «я» (*Wissen um das Ich*). Самосознаніе проходитъ всѣ три степени знанія, доязычную, языковую и научную. Эти степени развитія самосознанія можно очень удобно прослѣдить на ребенкѣ. — Интересно, что понятія содержанія и наличной дѣятельности могутъ у ре-

бенка возникать самостоятельно и независимо отъ болѣе сильнаго самосознанія въ его позднѣйшемъ видѣ: ребенокъ различаетъ предметы и событія. Достигнувши болѣе отчетливаго самосознанія и овладѣвъ языкомъ, дитя уже полагаетъ обѣ формы бытія въ «я» (я вижу собаку, я слышалъ, что ты сказалъ и т. п.). Пробуждающееся самосознаніе въ свое единство обратно воспринимаетъ формы идейнаго и реальнаго бытія, какбы отколовшіяся отъ него. «Я» есть налично существующее, имѣющее содержаніе въ своихъ представленіяхъ и проектирующее во внѣ бытіе. По свидѣтельству самосознанія, всякое бытіе покоится въ «я»; на него, какъ на единство и источникъ, сводитъ самосознаніе всякія дѣятельности: мышленіе, чувствованіе, поступки и т. д.¹⁾

3. Опредѣленіе бытія.

Опредѣленіе опредѣленія. 23. Опредѣлить значитъ (по мнѣнію Тейхмюллера) путемъ установленія соотносительныхъ пунктовъ (или координатъ) указать то логическое мѣсто, гдѣ мы найдѣмъ понятіе, какъ только станемъ мыслить. Самое мышленіе ничѣмъ незамѣнимо²⁾.

1) Стр. 59—61.

2) Стр. 61.

При обыкновенномъ (аристотелевомъ) пониманіи опредѣленія (т. е. черезъ указаніе ближайшаго рода и видовой разницы) упускаютъ изъ виду, что понятіе не составляется изъ двухъ кусковъ или элементовъ; наоборотъ, понятіе представляетъ собою логическое единство, совершенно особенное отъ тѣхъ элементовъ, которые служили для его построения. Опредѣлительные же элементы нужно понимать, какъ соотносительные пункты, которые при помощи охватывающей точки зрѣнія связываются въ новое мыслительное единство. Напр., при дѣленіи: дѣлимое и дѣлитель суть соотносительныя точки, а частное — точка зрѣнія; или: число 3 само по себѣ ничего не производитъ, представленіе ограниченныхъ фигуръ также не образуетъ новаго понятія; только функція соотнесенія даетъ точку зрѣнія, благодаря которой образуется соотношеніе или новое понятіе — треугольникъ. Опредѣленіе требуетъ единой мыслительной функціи, съ помощью которой координуются соотносительныя точки.

I. и II. Опредѣленіе
содержанія и дѣя-
тельности (Was und
Dass).

24. Понятія бытія идейнаго (das Sein als Was) нельзя опредѣлить безъ понятія бытія реальнаго (das Dass), потому что эти два понятія коррелятивны, какъ отецъ и сынъ, господинъ и слуга и т. п. Съ опредѣленіемъ одного

получается опредѣленіе другого. Беря дѣлимымъ или одною соотнositельной точкою — все громад-ное разнообразіе даннаго сознанія со смѣною его актовъ, и раздѣляя его на дѣлитель или другую точку — реальное бытіе, мы получаемъ частнымъ или точкою зрѣнія — идейное бытіе.

Смысль этого опредѣленія таковъ: соотнося необособленное (*ungeschieden*) сознаніе къ перемѣнѣ его актовъ, мы всякій разъ представляемъ себѣ какое-либо содержаніе *a, b, c, d...*, которое къ смѣнѣ дѣятельностей безразлично. Равнымъ образомъ: вычитая изъ сознанія все, что соотвѣтствуетъ перемѣнѣ или реальному бытію, мы получимъ частное, т. е. весь этотъ рядъ *a, b, c...*, который въ своей совокупности именуется идейнымъ бытіемъ ¹⁾.

Теперь, если то же самое цѣльное сознаніе раздѣлить на *Was*, т. е. идейное бытіе, то въ результатѣ получится *Dass*, реальное бытіе: т. е. мы отнимаемъ по порядку всяческое содержаніе *a, b, c...*; частное же указываетъ лишь, **что** это содержаніе дѣйствительно было въ нашемъ сознаніи столько-то разъ.

а) идейное бытіе. 25. Итакъ, идейное бытіе

Тейхмюллеръ опредѣляетъ, какъ совокупность или объединеніе (*Zusammenfassung*) всего

1) Стр. 63.

даннаго сознанія въ противоположность къ реальному бытію. Соотносительными пунктами здѣсь служатъ данное сознаніе и дѣятельности. Возьмемъ примѣръ: чтó такое квадратъ? Имѣющіяся и имѣвшіяся въ сознаніи многія представленія квадратовъ мы совокупаемъ во едино и, отвлекаясь отъ множественности актовъ представленія, отмѣчаемъ, что безразлично къ этой множественности всегда остается въ сознаніи образъ параллелограмма, прямоугольнаго и равносторонняго. Это есть Was квадрата въ отношеніи къ тому, **что** (dass) это Was (или содержаніе) имѣлось въ сознаніи въ большемъ числѣ экземпляровъ.

б) реальное бытіе. 26. Для опредѣленія понятія реального бытія Dass нужно обратить вниманіе еще на одну соотносительную точку — самосознаніе (сознаніе своего «я»). Только въ соотношеніи какого-либо содержанія съ «я» получается дѣятельность: «я» вижу красное. Для содержанія мы предполагаемъ только простое сознаніе и оставляемъ въ сторонѣ самосознаніе: при понятіи же дѣятельности мы именно обращаемъ вниманіе на самосознаніе и отвлекаемся отъ содержанія сознанія, причѣмъ содержаніе отдѣльных актовъ служитъ лишь для того, чтобы отличать одни акты самосознанія отъ другихъ.

Das Dass Тейхмюллеръ опредѣляетъ, какъ объединеніе всѣхъ актовъ самосознанія въ отношеніи къ содержанію ихъ¹⁾.

Всякій разъ, когда рѣчь заходитъ относительно установленія какого-либо факта или дѣятельности, дѣло касается собственно какого-либо «я» и его актовъ, объединенныхъ этимъ фактомъ по отношенію къ какому-либо опредѣленному содержанію. Напр., говорятъ, что явилась комета: спрашивается, кто (какое «я») видѣлъ (актъ) ее, когда, сколько разъ и т. п. Объединенность факта распадается на отдѣльные акты.

27. Такимъ образомъ опредѣлено самое понятіе дѣйствительности или дѣятельности. Это понятіе есть, значить, содержаніе вообще дѣятельности вообще (*das Was des Dass*). Всякая дѣятельность (*jedes Dass*) обладаетъ содержаніемъ (*ein Was*); но она есть *das Was*, потому что всякое содержаніе тоже имѣетъ дѣйствительность (*ein Dass*). Поэтому и дѣятельность, какъ понятіе, обладаетъ дѣйствительностью (*das Dass als Was hat ein Dass*), т. е. когда мы мыслимъ понятіе дѣятельности (дѣйствительности), то это есть дѣйствительный актъ нашего «я».

1) Стр. 64.

Примѣненіемъ обѣихъ полученныхъ категорій другъ къ другу Тейхмюллеръ желаетъ показать, что различеніе идейнаго и реальнаго бытія можно провести не только на всякомъ отдѣльномъ содержаніи нашего сознанія, но и на каждой области бытія въ ея цѣлости.

III. Опредѣленіе «я».

28. При опредѣленіи «я» одною соотнoсительной точкою даны намъ два прочіе рода бытія (das Was und das Dass). Второю точкою будетъ то обстоятельство, что эти оба рода бытія мы полагаемъ (setzen) и соотносили другъ съ другомъ. Только что приведенное обоюдное примѣненіе этихъ категорій въ ихъ общемъ смыслѣ охватывало собою всяческое содержаніе и всяческую дѣятельность. Значитъ, если теперь одну область бытія раздѣлить на другую, то одно раздѣлится на другое безъ остатка, — и въ результатѣ получится понятіе единства, заключающаго въ себѣ безчисленное множество и содержанія, и дѣятельностей. Это единство возможно, потому что мы бы не могли мыслить одного безъ соотношенія съ другимъ; оно существуетъ, потому что мы и на самомъ дѣлѣ наблюдаемъ въ сознаніи и различное содержаніе, и смѣну его, и на самомъ дѣлѣ связываемъ его въ мышленіи.

Итакъ, все существуетъ въ единомъ, которое не есть «субъектъ-объектъ» (или, по Тейхмюллеру, *Dass-Was*); послѣднее можно бы сказать обо всякомъ познаніи, въ которомъ содержаніе тогда только и бываетъ на лицо, когда осуществляется соотвѣтствующая ей дѣятельность. А «я» заключаетъ въ себѣ и желанія, и чувствованія, и движенія, съ которыми представляемый объектъ только координуется, но не совпадаетъ.

«Я» можно опредѣлить ¹⁾ (по Тейхмюллеру), какъ пунктъ сознанія, данный въ численномъ единствѣ (*numerische Einheit*), самому себѣ становящійся сознательнымъ (*bewusstwerdender*), и служащій основаніемъ для соотнесенія (*Beziehungsgrund*) съ нимъ всякаго даннаго въ сознаніи идейнаго и реальнаго бытія. «Я» остается единствомъ, безразличнымъ ко множеству и разнообразію содержанія и ко всякой смѣнѣ дѣятельностей: оно все соотноситъ съ собою и во всемъ пребываетъ единымъ и себѣ равнымъ. (Ср. гл. II, § 43).

Познаніе «я». 29. Какъ могли бы мы называть что бы то ни было сущимъ (или существовавшимъ, или будущимъ), если бы мы не знали, что́ означаетъ «быть»? А откуда намъ знать это, какъ не

1) Стр. 68.

изъ себя? Въ самосознаніи лежитъ единственный источникъ нашего понятія о бытіи. Мы непосредственно сознаёмъ свое собственное существованіе: это знаніе о себѣ, своихъ дѣятельностяхъ и ихъ содержаніи есть все, что мы понимаемъ подъ бытіемъ¹⁾.

Нѣкоторые склонны приписывать бытіе предметамъ чувственного опыта и страннымъ образомъ сомнѣваются въ существованіи своего собственного «я». Не есть ли де и это знаніе о своемъ бытіи — результатъ умозаключенія, подобно тому, какъ и бытіе всѣхъ чувственныхъ вещей? Не сомнѣваются ли иногда люди даже въ томъ, что они существуютъ?

Но дѣло въ томъ, что и самое это сомнѣніе не было бы возможно, не будь «я», одного и того же, которое въ различное время наблюдаетъ въ себѣ различныя состоянія. Сомнѣніе есть уже доказательство тождественности «я», ибо для сомнѣнія и не было бы никакого основанія, если бы одно «я» (А) испытывало бы состояніе а, а другое «я» (В) — состояніе б; только тождественное «я», переживающее и а, и б, способно замѣтить контрасты между ними и усумниться напр., при б, оно ли само переживало а. (Ср. гл. II., § 40).

1) Стр. 73.

Самое понятіе наличности пріобрѣтено нами изъ сознанія собственныхъ дѣятельностей. Только при сенсуалистическомъ пониманіи подъ субстанціею какого-либо чувственнаго образа, можно сомнѣваться въ томъ, субстанція ли — душа. Образы суть содержаніе нашей представляющей дѣятельности и не могутъ быть субстанціями. Но и понятіе субстанціи не получается откуда-либо извнѣ, а вырабатывается на основаніи непосредственнаго самосознанія. Кто не имѣлъ бы самосознанія, тотъ ничуть не зналъ бы и субстанціи ¹⁾.

Обозначеніе «я».

30. Философы въ своихъ попыткахъ опредѣлить «я» полагали, что «я» должно быть такимъ, каковы, напр., предметы, нами представляемые, либо дѣятельности, нами отправляемыя. Но для «я» нѣтъ необходимости быть какъ разъ такимъ единствомъ, какимъ обладаютъ его продукты и функціи. Единство «я» есть субстанціальное ²⁾. Это — единство особаго рода, познаваемое именно на «я». «Я» сознаётъ, что оно, единое, существуетъ во многихъ дѣятельностяхъ, которыя посвоему идейному бытію различны, — что оно сразу и въ численномъ единствѣ дѣятельно во всѣхъ своихъ дѣятельностяхъ и, что, единое по

1) Стр. 74.

2) Стр. 71.

числу, оно мыслить, двигаетъ и желаетъ содержанія этихъ дѣятельностей ¹⁾. «Я» не есть сумма или продуктъ; оно находится во всѣхъ своихъ частяхъ какъ цѣлое, не подѣленно (nicht geteilt); а части его заключаются въ цѣломъ именно, какъ части, а не какъ нѣчто нераздѣльное. У вещей части даны напередъ, и мы только соединяемъ ихъ въ представленіе цѣлаго; части мы по произволу можемъ отнимать отъ такъ называемаго цѣлага вещи. Въ «я» же нѣтъ представленій безъ представляющаго, движеній безъ двигающаго и т. д. Словомъ, нельзя прилагать къ «я» чуждыхъ ему шаблоновъ.

Степени силы самосознанія или интен-сивности сознанія

«я».

31. «Я» можетъ сознавать себя съ различною степенью силы. Оно можетъ работать и совершенно безсознательно. Самосознанія нельзя отрицать ни у грудныхъ младенцевъ, ни даже у звѣрей. Въ этомъ случаѣ нужно различать чистое самосознаніе, какъ условіе всяческаго познанія, отъ познанія «я», которое наступаетъ сравнительно въ болѣе позднемъ возрастѣ. Этимъ различіемъ объясняются какъ факты, повидимому, говорящіе противъ субстанціальности «я», напр., кажущееся исчезновеніе «я»

1) Нѣтъ препятствій, впрочемъ, употреблять понятіе субстанціального единства въ качествѣ общей категоріи, если, кромѣ нашего индивидуального «я», находятся еще предметы, обладающіе признаками этого понятія (стр. 72).

во время сна или обморока, такъ и то, что, несмотря на подобные перерывы самосознанія, «я» или самосознаніе сопровождаетъ человѣка отъ колыбели до могилы, и что послѣ перерыва оно къ намъ безъ затрудненія возвращается. Во снѣ «я» дѣйствуетъ тоже, какъ субстанціальное единство, но безсознательно, а послѣ пробужденія оно же доставляетъ намъ соотнесенные пункты, нужные для присоединенія новаго состоянія души къ прежнему ¹⁾).

32. Теперь на основаніи изложенной теоріи бытія мы можемъ перейти къ дальнѣйшему изслѣдованію той же гносеологической проблемы. Отправнымъ пунктомъ нашихъ изысканій при критикѣ и развитіи онтологіи въ этомъ же духѣ послужить намъ то самое понятіе, примѣненію котораго мы уже посвятили свой трудъ «О понятіи искусства». Это понятіе есть *к о о р д и н а ц і я*.

Еще выше, при усвоеніи изложенной теоріи бытія невольно бросается въ глаза неизслѣдованность этого понятія «координаціи». Содержаніе связано или *к о о р д и н о в а н о* съ дѣятельностями, т. е. реальными актами, въ которыхъ оно становится доступнымъ сознанію. «Я» связано со своими дѣятельностями и съ ихъ содержаніемъ. Но что

1) Стр. 75.

же такое эта связь, эта координація вообще или сама по себѣ? Точно ли знаніе объ «я», его дѣятельностяхъ и ихъ содержаніи есть в с е (§ 29), что мы понимаемъ подъ б ы т і е м ъ? Вотъ вопросы, которые ожидаютъ своего рѣшенія въ слѣдующей главѣ.

